

Жил человек... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

Жил человек... Василий Макарович Шукшин

Вот как бывает... Вчера видел человека, обедал с ним по соседству, потом курили в курилке... У него большое сердце, ему тоже не надо бы курить, но русский человек как-то странно воспринимает эти советы врачей насчет курева: слушает, соглашается, что – да, не надо бы... И спокойно курит. Мы про это курево много толкуем в курилке – иронизируем.

– Не пей, не кури, – насмешливо говорит какой-нибудь закоренелый язвенник, – а чего же тогда остается?

Тут чуть не хором все:

– По одной доске ходи – на цыпочках!

– Смоли да к стенке станови.

– А если я вот с таких вот лет втянулся в эту гадость?! Куда я теперь без этого?

Наговоримся так, накуримся всласть, и пойдут разговоры в сторону от курева, в жизнь вообще: разные случаи вспоминаются, разные смешные истории... А иногда и не смешные. Один был – сухонький, голубоглазый, все покашливал... А покашливал очень нехорошо: мелко, часто – вроде прокашляется, а в горле все посвистывает, все что-то там мешает ему, и никак он не может вздохнуть глубоко и вольно. Когда он так покашливал, на него с сочувствием поглядывали, но старались, чтобы он не заметил этого сочувствия – он не нуждался в нем. Один раз он отmaterил какого-то в полосатой шелковой пижаме. Тот вылетел с сострадательным поучением:

– Вам бы не надо курить-то...

– А чего мне надо? – спросил тот, глядя серьезно на полосатого.

– Ну, как?.. Не знаю, чего надо, но курить...

– Не знаешь, тогда не вякай, – просто сказал больной человек с синими глазами. – А то много вас – с советами... – и он еще сказал полосатому несколько разных слов – выругался, но ругался беззлобно, не грязно – получилось больше, что он всю жизнь свою целиком отmaterил – за все, и за то, что под конец пришлось еще сидеть и вот так «кафыркать» и терпеливо ждать. Но он же и понимал, что жизнь его, судьба, что ли, – это нечто отдельное от него, чем он управлять не может, поэтому злиться тут бессмысленно, и он не злился. Он рассказал, например:

– Пришел с войны, из госпиталя, тут – никого: мать померла в войну, так, брата убило, отец еще до войны помер. А домишко, какой был, сломали: какую-то площадку надо было оборудовать для обороны... под Москвой здесь... Так? А я на костылях – одна нога по земле волокется. Нанялся лед на реке рубить. Костыли так вот зажму под мышки, ногу эту неподвижную – назад, чтоб по ей топором не тяпнуть, упру костыли в ямки, наклонюсь – и долбаю, пока в глазах не потемнеет. А потом – сижка: костыли под зад, чтоб ко льду не примерзнуть – и тоже... А жил у сторожихи одной, у старушки. У ей у самой-то... с тамбур жилья, но уж... куда тут деваться. На полу спал, из двери – по полу – холод тянет. Маленько сосну с вечера, а часа в три просыпаюсь от холода, иду забор потихоньку тревожить: доски три оторву – и в камелек. А она, сторожиха-та – так: глянет выйдет и снова к себе. Один раз проснулся – ее нету. Я оделся и покостылял к забору... Только оторвал одну доску, слышу – бах! Аж щепки полетели от забора у меня над головой – дробью саданула... – рассказывая это, синеглазый все покашливал, и это делало рассказ его жутким. А тут он, как дошел до этого места, когда бабка шарахнула в него сослепу, тут он засмеялся – хотел, чтоб это выглядело забавно, и мы бы тоже посмеялись. Но – засмеялся и закашлялся, и так, покашливая и посмеиваясь, досказал:

– Я кричу: Глебовна, ить я это! Ну, услышала голос, узнала... Чуток бы пониже взяла, аккурат бы в голову угодила. Я, говорит, думала: лезет кто. А чего там брать! Эти... заводы демонтировали и свозили, и валили пока в кучу – железо...

– Ну да, у ней же инструкция!

– Конечно. Стрелять еще умела!..

– Она боевая была старуха, – продолжал синеглазый весело, довольный, что заинтересовал своим рассказом; он вовсе не жаловался. – Много мне порассказывала ночами, пока, бывало, у камелька-то сидим. А уж к весне мне общежитие дали – легче стало.

– Ну, и нога, наверно, стала подживать.

– Ногу я еще года полтора после этого... Главню, болеть не болит, а двигать ей не могу.

– Это многие тогда так, года по три с костылями ходили.

– Да...

Накануне он мне рассказал анекдот. Он любил слушать анекдоты, смеялся потихоньку, когда в курилке рассказывали, но сам, я не слышал, чтоб рассказывал всем. А тут мы ждали очередь к телефону, он меня притиснул в уголок и торопливо, неумело рассказал:

– Ворона достала сыр, так, села на ветку – и хочет уже его... это... клевать. Тут лиса: спой. А ворона ей: а ху-ху не хо-хо? Зажала сыр под крыло и говорит: теперь давай потолкуем. Тогда лиса...

Тут подошла его очередь звонить.

– Вам, – сказали ему.

Он скоренько сунул монетку в узкий ротик телефона-автомата и стал набирать номер. Он еще машинально улыбался, думая, наверно, о вороне, которая натянула нос хитрой лисе.

А потом я звонил... Я говорил, а краем глаза видел синеглазого: он ждал меня, чтобы досказать анекдот. Смотрел на меня и заранее опять улыбался своими невыразимо прекрасными, печальными глазами. Но тут его куда-то позвала сестра. Он ушел.

Этой же ночью он умер.

Я проснулся от торопливых шагов в коридоре, от тихих голосов многих людей... И почему-то сразу кольнуло в сердце: наверно, он. Выглянул из палаты в коридор – точно: стоит в коридоре такой телевизор, возле него люди в белых халатах, смотрят в телевизор, некоторые входят в палату, выходят, опять смотрят в телевизор. А там, в синем, как кусочек неба, квадрате прыгает светлая точка... Прыгает и оставляет за собой тусклый следок, который тут же и гаснет. А точка-светлячок все прыгает, прыгает... То высоко прыгнет, а то чуть вздрагивает, а то опять подскочит и следок за собой вытянет. Прыгала-прыгала эта точка и остановилась. Люди вошли в палату, где лежал... теперь уж труп; телевизор выключили. Человека не стало. Всю ночь я лежал потом с пустой душой, хотел сосредоточиться на одной какой-то главной мысли, хотел – не понять, нет, понять я и раньше пытался, не мог – почувствовать хоть на миг, хоть кратко, хоть как тот следок тусклый, – чуть-чуть бы хоть высветлилась в разуме ли, в душе ли: что же это такое было – жил человек... Этот и вовсе трудно жил. Значит, нужно, что ли, чтобы мы жили? Или как? Допустим, нужно, чтобы мы жили, то тогда зачем не отняли у нас этот проклятый дар – вечно мучительно и бесплодно пытаться понять: «А зачем все?» Вон уж научились видеть, как сердце останавливается... А зачем все, зачем! И никуда с этим не докричишься, никто не услышит. Жить уж, не оглядываться, уходить и уходить вперед, сколько отмерено. Похоже, умирать-то – не страшно.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

Жил человек... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!